

Путь к звездам 1

Ночной визит

18+

Роля Кама

Роля Кама

Путь к звездам 1. Ночной визит

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кама Р. Д.

Путь к звездам 1. Ночной визит / Р. Д. Кама — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

В книге изложена реальная история моей жизни, о том, как я была незаконно осуждена на долгие годы, по ложному обвинению, в убийстве человека. Книга о том, что в любых обстоятельствах нужно сохранить веру, любовь, уважение к себе и окружающему миру. Жизнь не предсказуема, но если вы установите контакт со своим внутренним миром, то жизнь можно изменить в лучшую сторону. Возможности человека безграничны, когда он в гармонии с собой. И все невозможное становится возможным.

Содержание

НОЧНОЙ ВИЗИТ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

ПИСЬМО

Дорогие мои, отец мой и Саня, наконец-то я после долгих лет пережитых несчастий, горя и слез обрела счастье. Я вышла замуж за иностранца, живу со своими детьми за границей, имею большой просторный дом. Мой муж, как и вы, очень заботливо относится ко мне. Я счастлива, наконец-то действительно свободна. Я пришла к тому, чего желала. Тут, в чужой стране, я обрела то, что у меня отняла моя малая родина в России. Эта страна дала мне успех и процветание.

Дорогие мои, мне не дает покоя, что вы покинули этот мир с беспокойством обо мне. Поэтому решила написать для вас книгу о том, что со мною происходило с момента моего задержания. Я ведь вам не рассказывала о своих переживаниях, страхах и чувствах. Хотелось бы успокоить ваше беспокойство обо мне.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

У нас с мужем был пятикомнатный просторный дом. В гостиной много цветов, мой кабинет заполнен книгами, как и в родительском доме. Недавно приобрела интересную книгу «Как добиться успеха», которая лежит на комодке возле кровати. Никак не могу прочитать, некогда, увлечена работой, посещением семинара по туризму и созданием проекта.

Мой муж Саня с недовольством и любовью говорит мне:

– Ты знаешь, что сегодня пропустила фитнес, я договариваюсь, чтобы у тебя фитнес и бассейн был рядом с домом, а ты начинаешь пропускать занятия. Ты скоро вообще будешь жить на работе.

Я молчу, а он продолжает говорить:

– Я нашел тебе хорошие книги о природе Республики и записал тебя на балльные танцы. Ты ведь давно хотела этого. Занятия два дня в неделю, среда и суббота.

Я посмотрела на него, сморщив лоб.

– Ничего не знаю, определяйся со временем, дорогая.

– Ты вызвал Диду ветеринара? Как он чувствует себя?

– Зачем нам ветеринар...

Саня в халате, из душа, все еще влажный, побритый, запах его одеколona доносится до меня, о, как вкусно. Оба, Дик и муж, сидят рядом друг с другом и смотрят, как я раздеваюсь, чтобы пойти в душ.

– ...все хорошо у нас, рвота прекратилась. Ты детям звонила?

– Да, у них все хорошо.

Дик – породы дог, как смола черный, большой, красивый. Он часть нашей семьи, мы его обожаем. Я помылась, намазала тело вкусным маслом, на голове полотенце, не люблю волосы сушить феном, они портятся. Надела золотистый кружевной пеньюар. Захожу в спальню, муж меня уже ждет в кровати. От предвкушения предстоящих наслаждений у меня по телу пробегают сладкая дрожь. Я села перед зеркалом, стала намазывать кремом лицо и руки.

С Саней мы жили в гражданском браке уже 10 лет. По некоторым причинам я не могла развестись с законным супругом до совершеннолетия младшей дочери. Мы с Саней очень любили друг друга и красиво смотрелись. Саня русский, старше меня на десять лет, высокий, стройный, светлые волосы, голубые глаза, прямой нос. По его внешнему виду, образу жизни и сознанию можно представить императорского офицера. Он действительно был офицером, инженер военного строительства, окончил Суворовское училище и военную академию. В Афганистане был ранен в ногу, поэтому ходил с тростью. Тоненькая бамбуковая трость в его руках смотрелась элегантно.

Я всегда была стройной, с азиатской внешностью. Мой поднятый подбородок, прямая спина, отличная фигура, уверенный взгляд азиатских глаз, гордая и уверенная походка, приятная улыбка всегда привлекали мужчин.

Мы вдвоем любили иногда посидеть в ресторане, однажды соседний столик мужчин в качестве симпатии прислал нам шампанское. Но после одного случая, когда пьяный тувинец обозвал меня русской подстилкой, мы стали на отдых выезжать в соседние регионы.

Мой Саня был пенсионером, сидел дома, занимался домом. Его мать жила во Владивостоке, приезжала весной, занималась огородом, а осенью уезжала. Во дворе по хозяйству управлялся рабочий, его сестра приходила убираться по дому. Мои дети учились в других городах. Вот такой спокойной жизнью мы жили до сегодняшнего вечера.

Мой отец, Данил, был очень образованным человеком, свободно владел несколькими тюркскими языками, по специальности экономист и зоотехник, писал стихи, хорошо разби-

рался в живописи, в музыке, литературе, имел первый разряд по стрельбе. Он меня с десятилетнего возраста учил стрелять из винтовки и скакать на коне. Все мои творческие способности, уверенность в себе, прямая осанка – это все заслуга отца. Он меня сильно любил, в трудные минуты всегда был со мною. Его младшие сестры умерли от голода и болезни в подростковом возрасте. Возможно, поэтому он дарил мне всю свою любовь. Отец был среднего роста, стройным, с черными волнистыми волосами, с открытым разрезом глаз, которые меняли цвет, они у отца могли быть зелеными или голубыми, красивый прямой нос. Он был прекрасным собеседником, шахматистом и обаятельным человеком.

Дик последнее время беспокойно ведет себя. Он залаял, повернув голову в сторону улицы, видимо, кто-то к дому подъехал. Посмотрела на часы, 9 часов вечера, кто бы мог быть? У нас практически никого не бывает, и никто не звонил, не предупреждал о приезде. Я посмотрела из окна гостиной – стоит белый автомобиль, из которого вышел мужчина, увидев меня в окне.

– Я пойду, посмотрю.

– Ты трусики-то надень, все-таки на улице зима, и Дика возьми с собой.

Надела халат с капюшоном на голову, шубу, на голые ноги надела унты. Дик скулил, пытался выйти со мною, но я оставила его дома. Вышла за калитку, смотрю, машина переставлена ближе к калитке. Задние двери машины открываются, выходят двое мужчин, хватают меня под мышки и затаскивают в машину. Я разглядеть их не успела, на улице было уже темно. От возмущения и шока я потеряла дар речи, а машина уже ехала в сторону поселка, то есть меня вывозили из города.

«Что происходит, куда меня везут, зачем?.. Так, успокоиться, взять себя в руки. Спереди сидят двое, по бокам меня тоже двое. Уголовники? Нет! Они так не одеваются. Милиция? Но это же незаконно! Нет! Значит, это не милиция. Но кто же?»

– Куда вы меня везете?

Пассажир спереди оборачивается ко мне и говорит:

– Даниловна, все узнаете в свое время.

В темноте не разглядела лицо, но очертания лица показались мне знакомыми, да и голос знакомый. Пока я вспоминала, где я встречала этого человека, машина подъехала к районному отделу милиции поселка. Меня заводят в здание милиции, один из сопровождавших дежурному говорит:

– Пока можешь не оформлять ее.

Тот, который разговаривал со мною, остался в машине. Я его узнала, это был Динчит, следователь внутренних дел. У меня с ним когда-то были близкие отношения, но я выбрала Саню.

ОБВИНЕНИЕ

В стенах правоохранительного органа я окончательно пришла в себя, у меня появилась уверенность, и, соответственно, я стала возмущаться.

– Что вы позволяете себе, вы нарушаете мои права, выкрадв меня из дома. Где у вас постановление на мое задержание, и по какому поводу вы меня задерживаете? Дайте мне телефон, позвонить адвокату или домой...

В кабинете кроме меня находились трое сотрудников. Казалось, что они не слышат меня, но задали вопрос:

– У вас есть знакомые на Паротурбинной?

– У меня в этом районе нет ни друзей, ни родственников. Объясните, пожалуйста, что тут происходит?!

Паротурбинная – это район двухэтажных полуразрушенных бараков в этом поселке, где был расположен этот районный отдел милиции, в котором я находилась.

Один из сотрудников подошел и ударил меня в ухо, от сильного удара я слетела со стула на пол. За долю секунды у меня в голове пролетело множество мыслей о том, как в годы репрессий сотрудники НКВД так же избивали невинных задержанных. Представители милиции грубо крадут меня из дома, полуголую, привозят в милицию и бьют. В жизни на меня никто руку не поднимал. Почему сотрудники милиции избивают меня, женщину? Мне становится страшно.

Один из сотрудников говорит:

– Надо же, убила человека и не помнит где.

Господи, что происходит, какое убийство? Я самостоятельно встала с пола и села на стул. Пережитое унижение и физическая боль куда-то ушли от услышанных страшных слов.

– Какое убийство, вы что, с ума сошли?!

Услышанное никак не уместилось в моей голове. Я просто была ошарашена.

– Мы можем освежить вам память. Вы, вместе с другими, в районе Паротурбинной убили женщину.

Чем дальше, тем страшнее. От всего происходящего, от страшного обвинения у меня все перемешалось в голове, я не знала, о чем думать, в каком направлении искать ответы. Проанализировав действия этих людей, я не стала больше задавать вопросы, я просто стала немой. Не думаю, что они меня убьют, а утром все прояснится. Рано или поздно все это закончится.

Меня провели в другой кабинет, в котором продержали всю ночь. Оперативник Сангаа до утра издевался надо мной. Мое молчание его раздражало, и он, выключив свет в кабинете, направлял настольную лампу мне в лицо, при этом кричал, чтобы я не закрывала глаза. Подносил к глазам зажженную зажигалку. Снял с меня шубу, но сам, надев верхнюю одежду, открывал окно. Сев ко мне вплотную, курил сигарету и выдувал дым мне в лицо. Я не хотела верить происходящему, но все это происходило со мною, в России, а не в какой-нибудь стране третьего мира. Я видела, что эти издевательства его увлекают, неизвестно, на что он был способен. Его нужно было как-то остановить, и я обманула:

– Я беременна, и ваши издевательства приведут к выкидышу. Возможно, прямо сейчас и тут.

– Нечего было молчать об этом. Ладно, пожалею твоего ребенка.

Было шесть часов утра. Сангаа повел меня в камеру временного содержания, которая находилась напротив дежурной части отдела.

Сотрудник дежурной части всех задержанных мужчин поместил в одну камеру, а в другую поместил меня. От мужчин меня отделяла решетка. Я обратилась к мужчинам:

– Есть кто-нибудь, который уверен, что сегодня освободится?

Один из русских, показав на друга, сказал:

– Нас задержали с гашишем. Не отпустят, мы ранее судимые.

Тувинский парень ответил:

– Меня обещали отпустить.

Остальные молчали. Я обратилась к парню:

– Как тебя зовут?

– Буян.

– Буян, пожалуйста, позвони ко мне домой. Скажешь: «Ваша жена находится в районном отделе милиции, обвиняется в убийстве».

– Я номер телефона не запомню.

Мужчины стали копаться в карманах в поисках чего-то. Я увидела спичечный коробок. Наслюнявила серу спички и написала на коробке домашний номер телефона.

Через несколько минут Сангаа пришел за мною. Сотрудник дежурной части с беспокойством спросил его:

– Мне ее нужно оформить по всем правилам.

– Ладно, оформляй, я сейчас принесу ее данные.

В кабинете Сангаа стал играть роль доброго следователя.

– Давайте спокойно пообщаемся. От меня требуется всего лишь взять от вас показание о том, при каких обстоятельствах была убита Павлова. Может быть, лично вы не принимали участия, а ваши знакомые. Вот вам листок бумаги, ручка, пишите. Я не буду вам мешать.

Он вышел, закрыв на ключ кабинет. Наконец-то появилась хоть какая-то информация.

Павлова – кто такая? Если по фамилии, то женщина русская. Но среди моих знакомых и клиентов агентства женщины с такой фамилией нет. Может быть, это клиент Ани?

Я была генеральным директором агентства недвижимости и туризма. Последнее время была полностью занята созданием и разработкой проекта по активному туризму в Республике. Отделом недвижимости занималась Аня, юрист агентства. Тем не менее, я была в курсе всех сделок, поэтому не припомню клиентов с такой фамилией. Так я копалась в своих мыслях, но не находила никакого ответа. Тем временем пришел Сангаа и с сожалением или с раздражением вздохнул, увидев пустой лист бумаги. Посмотрев на часы, я отметила, что просидела одна почти час, а мне показалась, как будто всего лишь минуты прошли.

Меня опять отвели в камеру временного содержания. Вижу, что Буяна нет. Двое русских мужчин, которых задержали с гашишем, сказали, что его освободили. Появилась надежда, что ты узнаешь, где я нахожусь, и придешь на помощь.

На меня навалилась огромная усталость, организм подсказывал, что я со вчерашнего утра не спала. Достаточно было закрыть глаза, и я погрузилась в сон. Не знаю, что это, интуиция или неведомые силы, я проснулась, и в это время зазвонил телефон у дежурного. Когда он поднял трубку телефона, я услышала звук нашего домашнего телефона. Дежурный отвечал:

– Да, есть такая, ... задержана, ... не имею права ... нет.

Дежурный положил трубку и позвонил Сангаа.

– По поводу задержанной, звонили, ... я подтвердил, ... Нет ... нет.

Через несколько минут Сангаа подходит к дежурному и говорит:

– Этим скажешь, что меня нет, я на выезде.

После чего слышно было, что захлопнулась входная дверь, он покинул здание районного отдела. Я стала ждать тебя и Владимира Николаевича, твоего друга адвоката. Как долго движутся стрелки часов. И вот слышу голос Владимира:

– Задержанная Кама находится тут?

– Да.

Ты кричишь мне:

– С тобою все в порядке?

– Я жива, – отвечаю я тебе. Тем временем Владимир спрашивает дежурного:

– Кто задержал? По какой статье?

– Она доставлена оперуполномоченным Сангаа, по какой статье не могу сказать.

– Я адвокат задержанной, вызовите мне Сангаа.

– Его нет, он на выезде.

– Пропустите меня к начальнику отдела.

– Его тоже нет на месте.

– Меня обвиняют в убийстве какой-то Павловой, которую я не знаю.

Через пять часов меня выводят из камеры, в коридоре встречаю тебя и адвоката. Вижу твой обеспокоенный и тревожный взгляд. Владимир вместе со мною идет в кабинет. В кабинете за столом сидит жирный мужчина с толстыми губами. По всему видно, что человек очень неприятный, задавит и убьет любого, но не своими руками. Противный, мерзкий холод веял от него. Представился следователем Следственного комитета по особо тяжким делам Монгуш С.С. Затем для ознакомления представил постановление о предъявлении обвинения.

В постановлении было указано, что я вместе с Чимит А., Чимит В., Кадыр-оол А. в начале мая 2007 года в квартире 28, дом 17 по улице Паротурбинной убили гражданку Павлову Д. В. в присутствии свидетеля. Данные свидетеля в интересах следствия и целях защиты свидетеля не указываются.

Это чушь какая-то, кто мог выдумать такое?!

– Вы хотите дать показания по предъявленному обвинению? – спрашивает меня следователь.

– Да, хочу.

Владимир говорит мне:

– Надо подумать.

– Владимир Николаевич, о чем думать, когда никакого преступления не было.

– Пишите. Я не знакома с Павловой. В указанной квартире никакого убийства с моим участием не было. Прошу допросить в качестве свидетеля хозяйку этой квартиры Монгуш З. Т. и членов ее семьи. Я невиновна, никакого убийства не совершала. Больше мне нечего сказать.

Мои показания были протоколированы. Следователь оповестил нас, что завтра состоится суд по заключению под стражу, а сейчас меня увезут в изолятор временного содержания. Я обратилась к Владимиру:

– Привезите, пожалуйста, мне вещи. Саня соберет вам.

Опять завертелись мысли – может быть, Чимиты убили, а теперь хотят свалить на меня? Надо просить очной ставки с этим свидетелем, кто он? Да не может быть, что они кого-то убили. Может быть, Динчит хочет подставить меня, но при чем тут Чимиты?

ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ – ИВС

Меня привезли в изолятор городского отдела милиции. Сотрудники изолятора смотрят на меня с изумлением, видимо, мой наряд их смущает. До меня доходит, что я все еще в своей домашней одежде. Острое желание уснуть и проснуться дома. Далее меня приводят в каптерку, чтобы я выбрала подушку, одеяло, матрас. Я с трудом все это подтаскиваю до камеры. Наконец-то меня заводят в камеру, где можно поспать. В камере темно, сильно воняет мочой, половой унитаз очень грязный. Постучалась в дверь и попросила хлорки, чтоб засыпать унитаз. Спасибо, что принесли и проконтролировали, что я действительно использую по назначению, а не употребляю для отравления. Затем, расстелив матрас, упала в бездонный сон.

Утром меня разбудил стук в дверь.

– Завтрак заберите.

– Сколько времени?

– 6 часов утра.

Хотела выйти из камеры, но вижу на полу алюминиевую тарелку с какой-то кашей, рядом алюминиевый стакан с чаем, на нем кусок хлеба. Увидев пищу, я почувствовала, что очень голодна, вторые сутки ничего не ела и не пила. Взяв свою порцию еды, я зашла в камеру. Ты бы видел, как жадно я ела кашу с хлебом, я ведь дома хлеб практически не ела. А тут кашу с хлебом съела.

Мысли освежились после сна, силы прибавилось, но все же это дикое обвинение меня сводит с ума. Ничего, разберутся, я этого оперативника Сангаа засужу.

В 8 часов утра меня выводят из камеры для вывоза в районный суд. В коридоре встречаю Аню. С удивлением и возмущением спрашиваю:

– Что происходит, Аня?

– Я не знаю, я в шоке. Кто такая Павлова? – спрашивает она меня.

– Не знаю, я у тебя хотела спросить. Думала, что это твой клиент по недвижимости.

– Ты же знаешь, у нас нет клиента с такой фамилией. Я думала, что ты где-то замешана.

– А я думала, что это вы что-то задумали против меня. Монгуш З. когда квартиру выставила на продажу?

– В августе 2007 года, есть договор о получении задатка. После получения денег она с семьей переехала на дачу.

– Значит, они в мае жили в своей квартире? Может быть, они убили эту Павлову, а теперь хотят свалить на нас?

Нас и других мужчин привезли в здание на территории районного суда и поместили в камеру. Я рассказываю Ане, как меня выкрали из дома. Она мне рассказала, что ей позвонили и попросили прийти в милицию с паспортом, а там продержали несколько часов и предъявили обвинение, после чего поместили в ИВС. Аня говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.